

УДК 398.51

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-83-107

Песни и стихи ГУЛАГа в воспоминаниях Ю.П. Якименко

Василий А. Воробьев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, q.h.f@yandex.ru*

Аннотация. В публикации представлены тюремные песни и стихи из машинописного текста мемуаров Ю.П. Якименко «По тюрьмам и лагерям: воспоминания» (документ хранится в коллекции мемуаров и литературных произведений Архива истории ГУЛАГа общества «Мемориал»^{*}). Тексты из воспоминаний свидетельствуют об особенностях бытования некоторых тюремных песен, стихотворений, поэм в разных лагерях на территории СССР. Автор фиксирует песенные репертуары советских заключенных ГУЛАГа, контексты возникновения и традирования песен, поэм, стихотворений. Публикуются также сочинения самого Якименко из источника, как индивидуально-авторские, так и написанные в соавторстве с другими заключенными.

Ключевые слова: тюремные песни, стихотворения, поэмы, репертуар, фольклоризация, ГУЛАГ, Якименко

Для цитирования: Воробьев В.А. Песни и стихи ГУЛАГа в воспоминаниях Ю.П. Якименко // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 83–107. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-83-107

© Воробьев В.А., 2024

^{*} Организация внесена Минюстом РФ в реестр НКО, исполняющих функцию «иностранный агент».

GULAG songs and poems in the memoirs of Yu.P. Yakimenko

Vasilii A. Vorob'ev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, q.h.f@yandex.ru*

Abstract. The publication presents prison songs and poems from the typewritten text of Yu.P. Yakimenko's memoirs "On prisons and camps: memories" (the document is stored in the collection of memoirs and literary works of the Archive of GULAG History of the Memorial* Society). The texts from memoirs provide insights into the peculiarities of the existence of certain prison songs and poems in various labor camps across the USSR. The author records the song repertoire of Soviet GULAG prisoners, the contexts of songs and poems emergence and transmission. The compositions of Yakimenko from the source are also published, both individually authored and co-authored with other prisoners.

Keywords: prison songs, poems, repertoire, folklorization, GULAG, Yakimenko
For citation: Vorob'ev, V.A. (2024), "GULAG songs and poems in the memoirs of Yu.P. Yakimenko", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 83–107, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-83-107

Факты бытования песенного фольклора и «наивной литературы» в советских тюрьмах и лагерях неоднократно фиксировались фольклористами по различным источникам¹. Как отмечает Е.С. Ефимова, «современные исследования отечественных фольклористов посвящены отдельным жанрам тюремного фольклора и опираются на материал письменный или записанный вне зоны» [Ефимова 2003, с. 234]. Однако, несмотря на обширную работу по изучению и публикации² песен и стихов, связанных с тюремной

¹ См., например: [Цехновицер 2012; Джекобсон, Джекобсон 2014; Лурье 2016].

² См.: [Бахтин, Путилов 1994; Шумов, Кучевасов 1995; Бахтин 1997; Чистова, Чистов 1998; Неклюдов 2006; Архипова**, Неклюдов 2008; Калашникова 2009; Лурье 2010; Москвин 2012; Пьералли 2019; Рычкова 2020].

** Настоящий материал (информация) произведен, распространен и (или) направлен иностранным агентом Александрой Сергеевной Архиповой, содержащейся в реестре иностранных агентов, либо касается деятельности иностранного агента Александры Сергеевны Архиповой, содержащейся в реестре иностранных агентов 18+.

культурой и бытовавших в условиях тюрем и лагерей, некоторые материалы остаются неопубликованными, хотя безусловно заслуживают внимания исследователей.

Воспоминания Ю.П. Якименко (род. в 1929 г.) привлекают внимание, поскольку охватывают большую часть жизненного пути автора³. Текст мемуаров описывает 18 лет переводов и этапов по советским тюрьмам и лагерям, начинается он с двух лет условного срока (1944 г.) и завершается освобождением в 1964 г. Большая часть текста – прозаическая, это и собственные впечатления автора, и записи рассказов сокамерников. Эта часть во многом авторефлексивна – Якименко опирается на свой собственный опыт. Он пишет о политических событиях, анализирует их, часто апеллирует к быту и психологии заключенного: «Нет и не будет такой книги, чтобы в нее уложить все мучения: физические, духовные и психические, которым подвергались эки. Эту бесчеловечность нельзя передать на бумаге. Почувствует только тот, кто сам испытал эти кары суровые» (с. 253)⁴.

В самом начале воспоминаний автор формулирует цель их написания: «хочу, чтобы читающий понял и знал, что творилось в Советских тюрьмах и лагерях» (с. 3). Но судя по общему настрою первой части, своими воспоминаниями Якименко прежде всего желает помочь другим людям избежать участи и пути вора, которым он стал. Эту цель воспоминаний он часто подчеркивает – так, например, он подытоживает первый раздел, давая своего рода предупреждение: «Чем переживать самому, лучше учиться на ошибках других. Поэтому почитай эту книгу, сделай для себя разумные выводы. И ты поймешь на какие суровые последствия ты себя обрекаешь» (с. 6).

При первом аресте в 1944 г. несовершеннолетнего Юру Якименко осудили на два года условно за воровство, но в том же году последовал повторный арест и осуждение на два года уже в Земо-Авчальской детской трудовой колонии⁵. Здесь мы встречаем первый записанный текст – гимн колонии (№ 1) и обстоятельства его исполнения: «Если за какую-нибудь провинность приводили

³ В краткой биографии Ю.П. Якименко описаны некоторые этапы жизни автора (жизнь до воровства, попытка обучения, война), в том числе основные места заключения. *Зубарев Д.* Якименко Юрий Петрович: По тюрьмам и лагерям: Воспоминания // Каталог воспоминаний архива «Мемориала*». URL: <https://memoirs.memo.ru/memoir/show/id/207> (дата обращения 27 февраля 2023; материал больше недоступен).

⁴ При всех цитатах из архивного текста даются ссылки на номер страницы в машинописи. Орфография и пунктуация автора сохранены.

⁵ Около 16 километров от Тбилиси.

к начальнику колонии, то он первым делом заставлял петь гимн Советского Союза или гимн колонии. <...> Если ты знал оба гимна, значит жди пощады» (с. 48). Текст гимна включает патристическую топику – в духе гимна СССР, что, вероятно, и спасало от начальника колонии⁶, если заключенный совершал какую-то провинность. Обнаруживаются явные содержательные сходства с гимном СССР 1944 г.⁷: Сталин выступает в роли родителя; Родина, как и колония, вдохновляет на труд и подвиги, на борьбу с врагом.

Особый интерес представляет стихотворение «Письмо к матери» (№ 2), которое, по словам Якименко, «сочинили недумающие о побеге» (с. 102). Возможный прототип текста обнаруживается легко, это стихотворение «Письмо матери» С.А. Есенина, опора на которое угадывается и в содержании, и в стиховой организации текста⁸. Содержательная канва в обоих случаях одинакова: «сын хочет увидеть мать, которую давно не видел из-за радикальных перемен в его жизни (заключение в тюрьму, переезд в город, пьянство)». Из стихотворения Есенина переходят и более мелкие детали: сад у дома, дорога⁹. Аргументом в пользу возможного подражания Есенину может быть еще и огромная популярность поэта в тюремной среде¹⁰, а на широкую известность именно «Письма матери» прямо указывает В.Т. Шаламов: «Это был единственный поэт (Есенин. – В. В.), “принятый” и “освященный” блатными,

⁶ Особенно учитывая связь с гимном СССР.

⁷ При этом тексты различаются метрически: гимн СССР написан амфибрахийем, тогда как гимн колонии сочетает амфибрахий и ямб. Видимо, по первоначальному замыслу предполагалось воспроизвести ритмику гимна, но затем это утомило авторов, и они перешли на более простой ямб. Отмечу, что М.Л. Гаспаров писал о «торжественности» семантического ореола трехстопного амфибрахия именно в XX в., и конкретно – в применении к российской тематике 1940-х гг. [Гаспаров 2012, с. 194–195].

⁸ Однозначно все же утверждать не решаюсь, однако такая вероятность весьма высока.

⁹ М.Л. Гаспаров отмечает характерные для пятистопного хоря описания пейзажа и дороги [Гаспаров 2012, с. 340, 349], что обнаруживается и в рассматриваемых стихах. В тексте из воспоминаний Якименко есть фрагмент с пейзажем и фрагмент с дорогой. В этом плане «Письмо к матери» (№ 2) полностью соответствует семантическому ореолу пятистопного хоря.

¹⁰ Широкую популярность Есенина в тюремной среде отмечает также певец Андрей Рублевич: «...чаще Есенина просят, лирику его. Есенина, наверное, как никого в блатной песне почитают, ему даже на фене кличку урки дали – “Пегас блатной”» [Башарин 2005].

которые вовсе не жалуют стихов. <...> “Письмо матери” известно очень хорошо»¹¹.

Тексты в воспоминаниях часто являются реакцией на определенные обстоятельства, это могут быть и исторические события, и ситуации из жизни заключенных. Подобным текстом является, например, № 3. Другу Якименко приходит письмо с фотографией его дочери, и они вместе сочиняют стихотворение, посвященное ей. Интересно, что стихотворение получилось от группы заключенных, а не только от отца девочки. Текст № 3, как и текст № 4, содержит важное противопоставление жизни внутри и вне лагеря. Оба написаны двухсложными размерами – ямбом и хореем, что вполне характерно для части стихотворений в воспоминаниях Якименко¹².

В текстах есть реакция на внешние события, причем особенным поводом стала смерть Сталина. Вот как Якименко описывает эмоции, свои и других обитателей лагеря, вызванные произошедшим:

Когда он (надзиратель. – *Примеч. публикатора*) отошел в другой конец коридора и стал разговаривать с другим надзирателем, мне из другой камеры кричат: «Юрка, Усатый хвост откинул!» Это означало – Сталин умер! <...> С часовым, который стоял на вышке, я раньше разговаривал, хороший парень. Спрашиваю его: «Ну, как ты провел 8 марта, у девочек, наверное?». Он скорбным голосом мне ответил: «Как же у девочек, ты, что не слышал?». Я сразу вспомнил, что мне из другой камеры кричали. Говорю, слышал что кто-то умер. Он мне сказал: «Иосиф Виссарионович Сталин умер». Я почувствовал радостное вдохновение и стал как на крыльях ходить по кругу прогулочного двора. Мне стало так легко, как будто свалилась с плеч непосильная ноша. <...> Быстро прошли полчаса прогулки, вот я снова в камере, радость не покидает меня. В голове зародились строки (с. 127–128).

В воспоминаниях есть два стихотворения на смерть Сталина: индивидуально-авторское (по утверждению Якименко) и коллективное. Первое (№ 7), по словам автора, появилось сразу

¹¹ Шаламов В.Т. Сергей Есенин и воровской мир // Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР 2; Анна Ивановна: Пьеса. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 89.

¹² По данным А.В. Козьмина, тексты «блатной песни» 1930-х гг. тяготеют к двухсложным размерам: ямб – 36%, хорей – 30% [Козьмин 2005, с. 41]. Не исключено, что это характерно и для более поздней тюремной песни и любительской литературы.

после подтверждения факта смерти. Вероятно, создание текста в эмоциональном порыве привело к полиметрии – разные фрагменты написаны анапестом, ямбом и хореем¹³. Однако нельзя утверждать, что в воспоминаниях Якименко представлен полный первотекст стихотворения, так как некоторые четверостишия обнаруживаются в публикациях из других архивов, причем иные версии происходят из Каргопольлага и Ставропольской тюрьмы (ГАРФ¹⁴, ПермГАСПИ¹⁵). В этих местах заключения Якименко не бывал. Таким образом, если иметь в виду датировку документов из других публикаций (конец 1950-х гг.), можно предположить, что текст Якименко отражает лишь первоначальную краткую редакцию, которая в списках и устном бытовании со временем фольклоризуется, обрастая новыми подробностями.

Второй текст – коллективный – обширнее и содержит некоторые интересные элементы, например «торжественные обращения» к Сталину (*мудрец, мудрейший учитель*), вероятно, являющиеся пародией на советскую риторику, относящуюся к фигурам вождей. В стихотворении также прямо отражаются сильные чувства авторов: «*Нам радость всех так охватила*¹⁶, что шлем проклятья лишь одни. / И Воркута заговорила: подох, подох, будь трижды проклят ты!». Якименко отмечает, что этот текст – приговор: «На смерть Сталина были написаны такие стихи, это приговор в стихотворной форме, который вынесли мы ему, за пережитые нами страдания» (с. 140); но, учитывая эмоциональную насыщенность события, к приговору примешиваются элементы одического жанра. Содержательно оба текста строятся, с одной стороны, на фиксации преступлений Сталина, а с другой – на радости по поводу его смерти.

Встречаются стихотворения, которые в подробностях описывают случаи из лагерной жизни, которые могли происходить не один раз с разными заключенными. Сюжет «Баллады об одной посылке» (№ 5) можно описать так: ‘мама отправляет посылку сыну в лагерь, но фактически до сына ничего не доходит, все разбирает начальство’. Якименко описывает похожий случай перед текстом баллады: «Письма получали редко, в посылки из дома то кирпичи, то деревянные чушки засунут, а содержимое вытащат по

¹³ «Литературная “хромота” наивных авторов, естественно, особенно заметна в текстах наивной поэзии. Это – неумение последовательно придерживаться избранной метрической схемы» [Неклюдов 2001, с. 7–8].

¹⁴ См.: [Козлов, Мироненко 2005, с. 98–99].

¹⁵ «На смерть Уса» // Центр исторической памяти. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=138> (дата обращения 27 февраля 2023).

¹⁶ Курсив мой. – В. В.

дороге работники администрации» (с. 105). Текст баллады и фрагмент воспоминаний иллюстрируют отношение лагерного начальства к заключенным. В «Балладу об одной посылке» вплетается частый для тюремных песен содержательный элемент – скорбь матери по сыну-заключенному.

Стихотворение «Таня» (№ 9) описывает болезнь и смерть женщины из-за условий работы в лагерях. Якименко часто встречался с женщинами-заключенными, и их репертуар частично отражен в воспоминаниях. «Таня», видимо, является частью женского репертуара. Как и в предыдущем тексте, здесь описывается безразличное отношение начальства к жизни и правам заключенных, а также тоска по дому и родным. Тексты № 5 и 9 содержательно схожи, они прежде всего фиксируют тюремный быт и имеют подытоживающий финал, некую мораль. В одном тексте (№ 5) это перенос случая с одним заключенным на других, которые оказываются в подобной ситуации¹⁷, в другом – нравственный приговор начальству, которое безразлично относится к смерти заключенных, и предупреждение о расплате, возмездии¹⁸.

Для описания труда заключенных, выполнения задач государства (заготовка леса и железнодорожное строительство) использовался жанр поэмы. Поэма «Ликуй, Москва» (№ 10) посвящена лесозаготовкам, которые прежде всего осуществлялись в Соловецком ИТЛ, отсюда – соответствующие реалии: река Воньга, Услон (Управление Соловецких лагерей особого назначения). В поэме противопоставляются веселое проведение весенних праздников в Москве и условия труда заключенных на лесозаготовках; весьма вероятно, что значительная часть текста имела устное бытование. Есть публикация другого варианта поэмы¹⁹, который имеет определенные отклонения от текста у Якименко.

Крайне интересна другая поэма – «Железная дорога» (№ 6), посвящена 501-й стройке²⁰. Текст написан по следам одноименного стихотворения Н.А. Некрасова, об этом свидетельствуют

¹⁷ «Пусть каждый узнает, как жизнь коротает / Много миллионов Ваньков в лагерях» (с. 107).

¹⁸ «Погодите ж, кровопийцы, вас везде найдут! / За погибель миллионов, за кровавый след, / И за море слез и стонов будет, гады, вам ответ!» (с. 172).

¹⁹ «Ликуй, Москва. Москва, ликуй» // Центр исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=139> (дата обращения 27 февраля 2023). Тетрадь с текстом хранится в ПермГАСПИ, принадлежала заключенному Каргопольлага Г.П. Бельтикову.

²⁰ Трансполярная магистраль (Обский исправительно-трудовой лагерь и строительство № 501).

и название, и стихотворный размер (дактиль²¹), и отдельные элементы текста; несколько фрагментов поэмы – практически дословные цитаты из Некрасова. При этом произведение в целом вполне оригинально и описывает именно историческую реальность 501-й стройки. Обнаруженный текст отчасти опровергает тезис Шаламова о невостребованности «Железной дороги» у заключенных: «Проверено это мной многократно. Но ни “Железная дорога”, ни “Василий Шибанов” не производили на блатарей никакого впечатления» [Шаламов 2013а, с. 78]. Видимо, поэма бытовала прежде всего на 501-й стройке²², возможно, там же был сочинен первоначальный вариант – с опорой на стихотворение Некрасова, но со всеми подробностями строительства железной дороги заключенными ГУЛАГа в 1950-е гг.²³

Якименко приводит множество текстов из разных лагерных репертуаров. Встречаются небольшие фрагменты (1–2 куплета) песен «Не плачь, подруженька...», «Прощайте, девушки, подружки милые...», «Начальник Барабанов дал приказ», «Где глухие болота кончаются...», «Этап на Север», «По Тундре, по железной дороге...», а также песня «Прости» – фольклоризации стихотворения М. Исаковского «Прощальная» (1942). Автор описывает не только общий репертуар, но и некоторые наиболее специализированные песни, что прямо указывается в мемуарах, – песни женщин-заключенных²⁴, беглых заключенных²⁵ (*побегушиников*). Однако основное внимание уделено лагерным песням без «специализации». Несколько текстов Якименко приводит целиком: «Судьба» (№ 12), «Огни притона» (№ 11) и «Воркутинская застольная» (№ 13).

«Судьба» считается старой и широко распространенной в лагерном мире тюремной песней²⁶. Начало ее бытования относят

²¹ Дактиль и анапест принято называть «некрасовскими трехсложниками».

²² Возможно, поэма активно бытовала и на других объектах, связанных с железными дорогами, например на 503-й стройке.

²³ Не исключено, что автором поэмы является сам Якименко.

²⁴ «*Налей подруженька, ты девица гулящая / Больную душу я водкой отважу / Так наливая же, наша жизнь теперь пропащая / И тело женское уж проклято судьбой*» (С. 75). Таких фрагментов несколько. Не исключено, что текст № 9 также был востребован прежде всего среди женщин-заключенных.

²⁵ «*Три удалых лихих молодца, / Всеми силами вдаль они рвалися, / Где их ждали родные сердца. / Их обратно вести не приказано, / Знать судьба их была решена*» (С. 101).

²⁶ «Весьма распространена и примечательна по своей мелодии песня “Судьба”. Жалобная мелодия может подчас довести впечатлительного

к концу 1920-х г. [Джекобсон, Джекобсон 2014, с. 109], на эту же мелодию созданы и другие тюремные песни, в том числе «Огни притона». Запись Якименко включает эпизод, который в иных вариантах «Судьбы» не обнаруживается²⁷, – это попытки бывшего заключенного получить работу на свободе, которые заканчиваются неудачей²⁸. Эпизод взят из другой песни на ту же мелодию, а именно «Я сын рабочего, подпольщика-партийца...»²⁹ [Джекобсон, Джекобсон 2014, с. 159–160], это лишний раз доказывает востребованность самой мелодии и разных версий песни в лагерной культуре.

По своему содержанию «Огни притона»³⁰ [Джекобсон, Джекобсон 2014, с. 297–298] схожи с предыдущим текстом, сюжет построен на описании отношения матери с сыном-заключенным. Интересен начальный фрагмент, встречающийся лишь в некоторых опубликованных вариантах песни³¹, причем у Якименко он отличается от них, в него вплетаются новые темы: безвинность заключенных и открытость преступного мира.

Один из уникальных текстов в воспоминаниях Якименко – «Воркутинская застольная» (№ 13). На текстовом уровне это фольклоризация «Застольной Волховского фронта»³² или «Волховской застольной», автором считается фронтовой поэт П. Шубин. Однако и у этого текста был свой источник, прежде

слушателя до слез. Блатаря песня до слез довести не может, но и блатарь будет слушать “Судьбу” проникновенно и торжественно» (*Шаламов В.Т. Аполлон среди блатных* // Шаламов В.Т. Собрание сочинений. Т. 2. С. 79).

²⁷ Судьба (Судьба во всем большую роль играет...) // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/dvor/sudbabolch.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

²⁸ После отказов работодателей бывший заключенный снова начинает воровать.

²⁹ Я сын рабочего, подпольщика-партийца // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/dvor/jasynrabotch.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

³⁰ Песня «Огни притона» также написана на мелодию песни «Судьба». Это подтверждает тезис о зависимости широкой популярности от мелодии, на которую исполняются различные тексты.

³¹ Блатные и уличные песни / сост. Г.Ф. Семга. М.: Центрполиграф, 2009. С. 226. См. также: [Рычкова 2020, с. 316].

³² *Любан И., Шубин П.* Застольная Волховского фронта // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/ww2/oficial/zastolnvolh.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

всего мелодический, но отчасти и текстовый – речь идет о песне «Наш тост»³³ или «Гвардейская застольная» (музыка И. Любана, слова М. Косенко и А. Тарковского). Разумеется, текст «Воркутинской застольной» имеет мало общего со своими предшественниками, за исключением стиховой организации³⁴. Содержательно текст у Якименко описывает тяготы заключенных ГУЛАГа – рабский труд, смерть, холод. Персонажи текста выпивают не за Сталина, братство или партию, а за несчастную Родину и заключенных в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа.

Ниже публикуются полноценные стихотворения и песни из воспоминаний Ю.П. Якименко. Все они даны с сохранением авторской строфики, орфографии и пунктуации; правка вносятся только там, где сам Якименко от руки правил машинописный текст. Названия приводятся лишь в тех случаях, если они присутствовали в оригинале. Нумерации в машинописи нет – добавил для удобства цитирования в тексте.

№ 1

Война много душ погубила, мы дети покинув семей
Но Родина нас не забыла и лаской согрела своей
Нам Родина матерью стала, а Сталин любимым отцом
Колония нас воспитала, чтоб каждый был смелым бойцом
Бойцом и в труде и на фронте, в колхозных полях и в бою
Бойцом терпеливым и стойким, защищать Отчизну свою.
Мы трудовой колонии сплоченный коллектив,
Идем за счастье смело мы и все за одного.
Мы учимся в колонии, а подойдут года,
За Родину за Сталина пойдем мы на врага.

№ 2. Письмо к матери

Крутят ветры, злобно завывая, замело дороги, не дойти домой,
Хочется, мамаша дорогая, хоть денек, хоть час побыть с тобой.
Взять твои морщинистые руки, рассказать, как много неудач,
Пережить пришлось мне в дни разлуки, только ты, пожалуйста,
не плачь.

³³ Любан И., Косенко М., Тарковский А. Наш тост // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/ww2/oficial/nachtost.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

³⁴ «Застольная Волховского фронта», как и «Воркутинская застольная», написана дактилем.

Ведь слезами горю не поможешь, я приду, любимая, приду!
Ты меня как прежде спать уложишь, где-нибудь под вишнею в саду,
Вот тогда над изголовьем сына, можешь ты немножечко всплакнуть
И с тобою вместе заедино я всплакну, припомнив этот путь.

Путь, где шел шатаясь, и оставил, загубил, вернее, много дней.
Где печальный памятник оставил бесшабашной юности своей,
Где мне ветры, злобно завывая, пели о потерянной судьбе.
Много раз, мамаша дорогая, с этой песней я летал к тебе.

Видел дом знакомый над рекою, мне казалось будто в тишине,
Ты поешь, склонившись надо мною, песню о далекой стороне.
Я прекрасно слышал в каждой ноте, ты звала, звала меня домой.
Подожди, пока что я в болоте с непокорной буйной головой.

Подожди я выйду на дорогу, разогнусь, и первый свой маршрут
Проложу к родимому порогу, где задорно весело поют, соловьи,
Где небо голубое, где речной рассыпчатый песок
Где над люлькой детства золотого песню напевал твой голосок.

Подожди и запасись терпением, я приду, родимая, приду!
Встречу назовем мы воскресеньем, стол накроем где-нибудь в саду.
Сядешь ты напротив дорогая, на меня посмотришь и поймешь,
Как глумились ветры, злобно завывая, вот тогда, пожалуй,
и всплакнешь!

А сейчас не смей, не смей слезами обливаться безрадостные дни.
Встреча нам приписана с тобою, мы с тобой в разлуке не одни.
Тысячи и тысячи страдают, поджидают, также как и мы,
Также как и мы в мечтах витают, с песней засыпавшей старины.

№ 3

Живешь недавно ты и очень далеко,
И незнакомы тебе тягости разлуки,
И любишь ты немного молоко
И матери заботливые руки.

Завидуем, хороший возраст твой,
Не думаешь, чем завтра тебя встретят.
Никто не ломает твой покой,
Никто тебя позором не отметит.

Не знаешь ты как вьюги здесь поют,
Своим напевом душу раздирая,
Как группой фотокарточку твою
При тусклом свете лампы разбираем.

И глядя на тебя, на пухлые ручонки,
На прядь волос, на милый детский взгляд,
Мы думаем, как много у девчонки того,
Что нам уж не вернуть назад.

Желаем тебе, крошка, расцветать,
Желаем счастья океан и более.....
И никогда вовеки не узнать того,
Что нам обрушилось на долю.

№ 4

За окном таежные дороги, тихая неведомая даль,
За спиной я слышу оклик строгий и штыка блистающую сталь.
Я заброшен в дикий омут леса, где гуляет ветер да мороз,
Где луна, небесная повеса, охраняет скуку меж берез.

И все называется судьбою
И ее нельзя переломить
Ты оденешь платье голубое
И пойдешь с другим весну встречать

Вы возьметесь за руки как дети.....

№ 5. Баллада об одной посылке

С далекого края старушка седая,
Чуть только вспорхнула заря,
Проплакав ночку, в холщовом мешочке
Послала сынку в лагеря.

Послала посылку, в ней масла бутылку, жестких ржаных сухарей
Два яблока с сада, кисет самосада, носочки работы своей.
Она не забыла ни меду, ни мыла, сальца завернула шматок
И даже тетрадку и так для порядку иголку и ниток моток.

Дорожкой новой с отметкой почтовой летела на север она.
Нигде не застряла и как-то попала на вахту охраны сполна.
Позвали Ванюшу, за добрую душу мамаше “спасибо” он слал.
Поплакал чуточек, но принял мешочек и бодро в барак зашагал.

Залез он на нары, разложил товары и думал устрою я пир,
За чаем в беседе сойдутся соседи, но тут подкатил бригадир:
«Здорово, Ванюша, устрой ка покушать, сам знаешь, что нужно,
браток»
Поморщился Ваня, эх знала б маманя, и начал в мамашин платок

Класть сала кусочек с тетради листочек, два жестких ржанных сухаря,
Да яблочко с сада, да горсть самосада, такие уж здесь лагеря.
Здесь так уж ведется, теперь не придется соседей на чай приглашать
Беда-то большая, вот долюшка злая, решил он один чай попить.

Набрал кипяточка, два сделал глоточка, вдруг глянул вперед –
Медвежьей походкой с прожорливой глоткой десятник-верзила идет.
«Ты что же, паршивец, забыл кто кормилец? А, ну-ка, взгляну
на мешок
А, впрочем, не надо! Насыпь самосада, да сала, да меду чуток.

Тут дробь под рубашку, пробили мурашки и в грязную тряпку
Всего по порядку сложил понемногу Ванек.
Десятник-верзила с улыбкой сквозь силу ушел,
Но минуто спустя раздатчик явился, он сам долго рылся,

В посылке, причем не шутя. Он клал, что попало и масло,
И сало за ворот рубахи своей и ушел.
Но в этот момент у дверей нарядчик явился: «Ты где ж это рылся?
Порядка не знаешь, иль, гад, зажимаешь?» – он басом Ванюше кричал

Но Ваня убитый молчал, забрал он что было, носочки и мыло –
ушел.
Воды в котелочек, присел и сухарь намочил, поесть не удалось.
Доска приподнялась и кто-то бумагу стащил, пока разбирали
Да вора искали не стало ржанных сухарей, осталось в посылке,

Пустая бутылка, с тетради листочек, да иголка с мотком.
Что за пропасть денек, на всех было мало и масла, и сала, и вот,
поутру на развод
Погнали Ванюшу за добрую душу, мамаше, что слезы там льет,
Влепил оплеуху по самое ухо нарядчик, и матом покрыл.

Десятник-верзила собрал свои силы, вдоль ребер его наградил.
Шипят работяги: на две дали тяги и тачку ему одному.
Кому было мало, кому не досталось, все зверем подходят к нему.
Отняли фуфайку, урезали пайку и все, кто попало, клянет.

Надолго Ванечек за мамин мешочек, надолго поджал свой живот.
И вот как-то раз вечерком все спят работяги, он взял листик бумаги
И пишет мамаше тайком: «Спасибо, родная, с далекого края,
Посылку твою получил. Спасибо, старушка, я даже избушку

В ту ночку твою навестил. Пайки не хватает, здесь всяк голодает
Но только прошу тебя, мать, не надо, родная, с далекого края посылок
сюда высылать.

Не надо мне меду, здесь много народу. Я хлеб получу по труду.
Не надо мне сала, носки зря связала, не шли, дорогая, дойду!

Получит мамаша от сына своего письмецо,
Качнет головою и горькой слезою умоет старушье лицо.
Я передал свету историю эту, но суть – не в одних сухарях,
Пусть каждый узнает, как жизнь коротает
Много миллионов Ваньков в лагерях.

№ 6. Поэма «Железная дорога»

Грустно поет за окном песню ветер, жгучий суровый мороз.
Жалко гитара звучит в этот вечер, скучно и больно до слез.
Северный край, не слышал ты веками стука и грома колес,
Только вчера меж твоими снегами здесь, надрываясь,
прошел паровоз.

Кто же нарушил твою тишь бесподобную, ты не сумел отстоять,
Кто же согнал сюда массу народную гроб здесь себе обретать?
Много сказали мне думушки слезные, но не решен был вопрос,
Вдруг я услышал сквозь стекла морозные говор вагонных колес.

Кто-то сказал: «Подожди брат с гитарою иш, как живые поют!»
Слушали мелодию старую, грустную, горькую тут, пели ее провода
телеграфные
Сосны, одетые в снег, слушайте, слушайте спутники ратные,
Слушай простой человек, много есть правды в народных сказаньях.

Но не сложили такой, где бы ты увидел, твои же страдания
Льются широкой рекой. Брось же, товарищ, себя в обаянии,
Как за решеткой держать и разреши мне при лунном сиянии
Правду тебе рассказать.

Труд этот, милый, был страшно громаден, не по плечу одному
Был, говорят, в мире царь беспощаден, голод – название ему.
Много гонял он массы народные, горе его был приказ.
Радостно думать, что дни те бесплодные не докатились до нас.

Не пережили мы их, не увидели, но и без царских проказ,
Нужны железной дороги строители и появился указ от 4. 06. 47 года
Кто не слышал его возгласа дикого, с Волхова, с Волги, с Оки.
С разных концов государства великого взвыли тогда мужики.

Выгнал его он из дома родимого в грязный вагон погрузил
Сделал тупого его нелюдимого, силы беднягу лишил.
Идет человек со стальной лопатой, зорко следит за ним строгий
конвой,
Здесь он гнет свою спину горбатую и уже знаком с вечной мерзлотой.

Что за преступник, за что он карается, в чем он повинен,
за что осужден?
Может заслуженно здесь он скитается, что не простил ему
суровый закон.
Каждый свое совершил преступление, есть кто на рынке полбулки
украл,
Кто-то не так написал заявление, может быть вещь «не на месте»
продал.

Так он попал сюда строгий и замкнутый, все ни почем, только тупо
молчит.
И механически ржавой лопатой мерзлую землю долбит.
Русских людей охраняют здесь русские, край оцепили: дозоры, посты
Так и возникли здесь насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты

Словно как думы людские, холодные, ровной струей идет.
А по бокам все те кости народные, кто их сочтет?
Кто их помянет за жизнь беспросветную, кто их за труд наградит?
Разве лишь ветер той песне заветною, и хоть от сна пробудит.

Встанут они, поглядят горемычные на непосильный губительный
труд.
Где эшелоны походкой привычною новые жертвы везут и везут.
Добрый словечком помянут любезную родину, сын и отец вынесли
эту дорогу железную
Вынесли, где же конец, где же, когда же ту светлую жизнь дадут
в руки ему.

Только как видно, ту пору прекрасную так же и нам не видеть
никому.

№ 7. Сталин

Что ты сделал для блага людского? Нагло стал на трон партбюро
Дал свободу МВД и Гулагу, а людям рабство и ярмо.
Ты всю Россию заковал цепями, опутал сетью лагерей.
И тридцать лет бессонными ночами лились слезы жен и матерей.

Умер ты, теперь вздохнут народы там, где ты заботу проявлял
Под лживым лозунгом свободы – ты крепостное право возраждал.

№ 8

На радость мира умер он, страна хоронит чародея.
Положен будет в пантеон, земля не приняла злодея.
Всех притеснитель, всего душитель, скончался мировой подлец.
Подох мудрейший наш учитель, подох, подох он наконец!

Такой мудрец, такой прохвост, нашел же место где укрыться.
Он к Ленину залез под хвост, надеясь им теперь прикрыться.
Кровавый изверг и палач, тебе нигде прощенья нет
Там горе жен и детский плач зовут тебя давать ответ.

Из пантеона под забор тебя история прогонит.
Таков народный приговор, в семье об этом каждый молит.
Людей замучил ты немало, встают перед тобой они.
Земля недаром отказалась принять тебя в объятия свои.

Нас радость всех так охватила, что шлем проклятья лишь одни.
И Воркута заговорила: подох, подох, будь трижды проклят ты!
Твоих соратников в Кремле конец похуже ожидает,
Болтаться скоро им в петле, судьба незримо обещает.

№ 9. Таня

В цехе собачий холод, душит едкий дым,
Пересилив сон и голод, у станов стоим.
И промолвил кто-то тихо, слышно было всем,
«Таня отходила на работу, не придет уже совсем»:

Знают все, что у нее чахотка, и опять ее в санчасть,
Снова тоже за решетку понесли спокойно умирать.
И врачи ей не помогут, им наша жизнь не дорога.
А вчера сам начальник осмотрел ее слегка.

Поворчал, нахмурил брови, в Таниной руке
После кашля сгусток крови виден на платке.
Все мастырите мастырки и хотите отдыхать.
Вы должны трудом упорным себе свободу добывать.

Взглядом дерзким и ехидным осмотрел ее он стан
И промолвил тихо: «Ты уйдешь, где царствует туман».
Ночь, потушен свет в бараке, дождь в окно стучит,
На кровати в полумраке девушка лежит.

И никто к ней не приходит, мир жесток и пуст,
Теплой струйкой жизнь уходит из раскрытых уст.
Где теперь родная мама и любимая сестра?
Как тяжел свинцовый Север и проклятая тайга!

Мама, ты б меня накрыла шерстяным платком
А сестра б меня поила теплым молоком.
Слышу – воет ветер, за колючею тайга.
В этом страшном царстве прошли юные года.

Завезли сюда далеко от родимых мест,
И болезнь теперь жестоко все возьмет и съест.
Боже, как хотелось воли и свободы мне,
А слезы капают невольно по пылающей щеке.

Утро, кончилась ночная, в полутьме сырой,
Шли, дорогой засыпая, девушки домой.
Вот громадой грозной, хмурой их барак торчит,
Кто пойдет проведать Таню, девушка кричит.

Солнце пятнами седыми рвет заслоны туч,
Санитар лениво ищет от палаты ключ.
Таня спит, раскрыты вяло ее мутные глаза,
По щеке проходит алой крови полоса.

Ты еще металась жарко, боль ломила лоб.
А уже готовился в столярке твой дощатый гроб.
Как всегда твои убийцы курят, шутят, пьют.
Погодите ж, кровопийцы, вас везде найдут!

За погибель миллионов, за кровавый след,
И за море слез и стонов будет, гады, вам ответ!

№ 10. Поэма «Ликуй, Москва!»

Ликуй, Москва, Москва ликуй, и торжеству нет края!
И редко кто тоскует, когда смеется май.
Бежит крикливая волна по улицам и переулкам,
И не давала встреч толпе, толпа Сокольников толпа из Москворечья

Четко отбивая шаг шла рота, за ротой эскадрон
Вышли из Балтики матросы, красиво плещутся знамена,
Там вдали виднелся аэродром
А там из всех русских сторон раздавался стон заключенных,

Там на трибуне в бушлате, ровных складках синих губ,
Стоял соловецкий дятел, красный лесоруб.
Он, комкая слова, блинами, выдавливая из легких сок,
Он говорил: «Товарищи, мы тоже “за!”»,

Мы тоже выполняем пятилетку в срок.
Но орган его соловецкую песню пел. Рыдай Услон, Услон рыдай.
Здесь не смеются люди, когда смеется май.
Я помню курган, за курганом виднелось холодное море.

Сто тысяч баланов, пропитанных кровью, кочались на нем.
Ни доллары, ни фунты стерлингов не построят
Ни план пятилеток, ни стройки в лесу.
Да что я буду перечислять, комкая сколько.

Сорок вагонов под изоляции, ни помилования, ни касации.
Только слышны могильные колокола по карельскому краю,
Это я их так называю.
Проснулись болота, качаются кочки.

Все люди полумертвые в ранах идут. Терроры, расстрелы там были.
Там трупы никто не считал, считались баланы, а люди,
люди в расходе.
О Русь! Широка, велика, только знают карелы да финны.
Какая в Мурманске была нам цена.

А утром, проснувшись с пилой на развод,
И руки не держат пилу, и губы не связывают речи,
И ты проклинаешь судьбу.
Семь кубометров, дневное задание, становится жизнь коротка.

Взмах топора – и нет лесорубской кисти!
Только пень рассмеется кровавым пятном.
Эх мама, милая мама, ты не видишь: я пью кровавый ром,
Дрожащие вены кусая.

В картотеках числятся люди, картотеки бросают в огонь.
Двести на Воньге замерзло, от трупов разносится вонь.
Доллар ~~стерлингу~~ рублю режет путь,
А лес особой породы давит нам молодую грудь.

№ 11

Преступный мир для всех идет открытым
Он манит тех, кто проклятый судьбой.
И по нему идет так много жертв безвинных
И по нему идут из жизни молодой.

Огни притона заманчиво мигают,
Мотив фокстрота заманчиво звучит.
Там за столом мужчины совесть пропивают
Девыцы пивом заливают свой честь.

А там в углу сидел один угрюмый,
С большой, измученной, истерзанной душой,
Он молодой, но жизнь его разбита
Вошел в притон он заброшенной судьбой.

Он был дитя и мать его любила,
Сама не съест а все для сына сбережет
С рукой протянутой на паперти стояла,
Дрожа от холода в лохмотьях без пальто.

Вот вырос сын, с ворами он познался,
Стал пить, кутить ночами дома не бывать.
И жизнь провел свою в притонах и шалманах
И позабыл свою родную мать.

А мать лежит в сыром нетопленном подвале,
Не в силах руку за копейку протянуть.
Вот скрип дверей и двери отворились
Вошел в костюме, в кожаном пальто.

Вошел сказал он: «Мама здравствуй!»
Вымолвить не мог он больше ничего.

О что сынок, пришел мое больное сердце рвать
Ведь по тебе не мало слез пролито и ты не успокоишь свою мать.

«О мама, нет, пришел просить прощенья
Прости бродяге сыну своему
Я – вор, убийца, чужой забрызган кровью
Я атаман среди разбойников, воров».

А наутро из темного подвала
Его мать на кладбище несли,
А ее сына с шайкою бандитов
За преступление к расстрелу повели.

№ 12

Судьба большую в жизни роль играет, и от нее далеко не уйдешь.
Она везде тобою управляет, куда ведет, покорно ты идешь.
Там далеко есть Родина родная, не помню я, где умер мой отец.
Но помню то, что в муках умирая, не обнял он сыночка своего.

Чтоб легче жить работала мамаша, я постепенно начал воровать.
«Ты будешь вор, такой, как твой папаша», – твердила мне,
роняя слезы мать
Не слушал я мамаша наставленья, и не молился в церкви при дворце.
Я исполнял своей судьбы веленье – идти тропой, проложенной отцом.

Шестнадцать лет мне в это время было, когда меня принял
преступный мир
Вольною жизнь так быстро подхватило, я ревизором был чужих
квартир
И вот, друзья, пять лет как дома не был, освободился, только срок
отбыл.
И вот, друзья, чахоткою я болен, умру иль нет, но все же еще жив.

Вот, друзья, как трудно исправляться, когда правительство
на помощь не идет,
Хотел на фабрику рабочим поступить я, а мне сказали:
«Вы отбыли наказание,
Так постарайтесь адрес наш забыть».

И так пошел бродить от фабрики к заводу,
Всюду слышал один и тот же разговор.
Так для чего же добывал себе свободу,
Когда по-прежнему, по-старому я – вор?

В ком сила есть, тот может побороться, вести борьбу до самого конца.
Но я уж стар, и мне, друзья, придется идти тропой, проложенной
отцом.

№ 13. Воркутинская застольная

Выпьем за тех, кто под силой оружия,
Мерзлую землю долбил,
Кто, униженный и всем оскорбленный,
Номер раба проносил.

Выпьем за тех, кто сидел в изоляторах,
Кто умирал на снегу,
Кто пробирался звериными тропами,
Чтобы взглянуть на семью.

Выпьем за тех, кто сгубил свою молодость,
Жизни своей не щадя,
Кто испытал эти кары суровые,
Тюрьмы и спецлагеря.

Люди посажены, семьи разогнаны,
Кто их теперь соберет?
Кто отзовется на стон заключенного,
Тот счастье в борьбе обретет.

Выпьем товарищи, грянем застольную!
Выше бокалы с вином!
Выпьем за Родину нашу несчастную
Выпьем и снова нальем!

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Благодарю С.Ю. Неклюдова, указавшего мне на архивный источник и прочитавшего первую версию рукописи. Признателен Н.Н. Рычковой за ценные комментарии и Д.А. Самсоновой за обсуждение материалов.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song traditions of the 20th – 21st centuries: poetic structures, biographical discourse and historical narrative” (contest “Student project scientific collectives RSUH”).

I thank S.Yu. Neklyudov, who pointed me to the archival source and read the first version of the manuscript. I am grateful to N.N. Rychkova for valuable comments and D.A. Samsonova for discussing the materials.

Сокращения

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ПермГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории

Литература

- Архипова**, Неклюдов 2008 – *Архипова** А.С., Неклюдов С.Ю.* Два героя / два уркана: привал на пути // *Natales grate numeras?: сборник статей к 60-летию Г.А. Левинтона.* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 27–75.
- Бахтин, Путилов 1994 – *Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов.* СПб.: Края Москвы, 1994. 209 с.
- Бахтин 1997 – *Бахтин В.* «Муркина» история // *Нева.* 1997. № 4. С. 229–232.
- Башарин 2005 – *Башарин А.* Блатная песня: terra incognita // *Массовая культура на рубеже веков: сборник статей.* М.; СПб., 2005. С. 176–192.
- Гаспаров 2012 – *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 414 с.
- Джекобсон, Джекобсон 2014 – *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник: 1917–1991 / подгот. текста Н.Н. Рычковой. М.: РГГУ, 2014. 424 с.
- Ефимова 2003 – *Ефимова Е.С.* Субкультура тюрьмы // *Современный городской фольклор.* М.: РГГУ, 2003. С. 231–265.
- Калашникова 2009 – *Калашникова М.В.* Самодетельная поэзия в местах лишения свободы: творчество Алевтины Ивановны Л. // *До и после литературы: тексты «наивной словесности».* М.: РГГУ, 2009. С. 337–373.
- Козлов, Мироненко 2005 – *Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг.: Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / ред. В.А. Козлов, С.В. Мироненко.* М.: Материк, 2005. 432 с.

- Козьмин 2005 – *Козьмин А.В.* Метрический репертуар «блатной» песни 1920–1930-х гг. и проблема ее происхождения // Живая старина. 2005. № 2. С. 40–42.
- Лурье 2010 – *Лурье М.Л.* Политические и тюремные песни в начале XX в.: между пропагандой и фольклором // Антропологический форум. 2010. № S12. С. 1–20.
- Лурье 2016 – *Лурье М.Л.* Песни «деклассированных слоев» в записи советских фольклористов (конец 1920 – начало 1930-х гг.) // Традиционная культура. 2016. № 2. С. 139–161.
- Москвин 2012 – *Москвин А.Ю.* Шесть песен из блатного кармана // Живая старина. 2012. № 2. С. 19–21.
- Неклюдов 2001 – *Неклюдов С.Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.
- Неклюдов 2006 – *Неклюдов С.Ю.* «Гоп-со-смыком» – это всем известно... // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сборник статей к 60-летию А.Ф. Белоусова. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 65–85.
- Пьералли 2019 – *Пьералли К.* Поэзия ГУЛАГа: проблемы и перспективы исследования: К продолжению темы // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 1. С. 250–273.
- Рычкова 2020 – *Рычкова Н.Н.* Неуцененные песни ГУЛАГа: Интервью с Виктором Булгаковым // Фольклор и антропология города. 2020. Т. 3. № 3–4. С. 296–317.
- Цехновицер 2012 – *Цехновицер О.В.* <Тюремные песни> / вступ. ст., подгот. текстов Т.С. Царьковой; коммент. М.Л. Лурье // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 442–666.
- Чистова, Чистов 1998 – Преодоление рабства: фольклор и язык остарбайтеров: 1942–1944 / Сост. и текстология Б.Е. Чистовой, К.В. Чистова. М.: Звенья, 1998. 196 с.
- Шумов, Кучевасов 1995 – *Шумов К.Э., Кучевасов С.В.* «Розы гибнут на морозе, малолетки – в лагерях»: рукописные тетради из камеры малолетних преступников // Живая старина. 1995. № 1. С. 11–15.

References

- Arkhipova**, A.S. and Neklyudov, S.Yu. (2008), “Two heroes / two urkan: a halt on the way”, in *Natales grate numeras?: sbornik statei k 60-letiyu G.A. Levintona*. [Natales grate numeras?: collected articles for the 60th anniversary of G.A. Levinton], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia, pp. 27–75.
- Bakhtin, V.S. and Putilov, B.N., comp. (1994), *Fol'klor i kul'turnaya sreda GULAGa* [Folklore and the cultural environment of the GULAG], Kraya Moskvyy, Saint Petersburg, Russia.

- Bakhtin, V. (1997), "Murka's history", *Neva*, no. 4, pp. 229–232.
- Basharin, A. (2005), "Thug song: terra incognita", in *Massovaya kul'tura na rubezhe vekov* [Mass culture at the turn of the century], Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 176–192.
- Chistova, B. and Chistov, K., comp. (1998), *Preodolenie rabstva: fol'klor i yazyk ostarbaiterov. 1942–1944* [Overcoming slavery: Folklore and the language of the Ostarbeiters. 1942–1944], Zven'ya, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (2012), *Metr i smysl: ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamyati* [Meter and meaning: about one of the mechanisms of cultural memory], Fortuna EL, Moscow, Russia.
- Jakobson, M. and Jakobson, L. (2014), *Pesennyi fol'klor sovetskikh tyurem i lagerei kak istoricheskii istochnik: 1917–1991* [Song folklore of Soviet prisons and camps as a historical source. 1917–1991], RGGU, Moscow, Russia.
- Efimova, E.S. (2003), "Subculture of prison", in *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Modern urban folklore], RGGU, Moscow, Russia, pp. 231–265.
- Kalashnikova, M.V. (2009), "Unprofessional poetry in places of imprisonment: the creativity of Alevtina Ivanovna L.", in *Do i posle literatury: teksty "nainoi slovesnosti"* [Before and after literature: texts of "naive literature"], RGGU, Moscow, Russia, pp. 337–373.
- Kozlov, V.A. and Mironenko, S.V., eds. (2005), *Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve 1953–1982 gg.: Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR* [Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982: Declassified documents of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR], Materik, Moscow, Russia.
- Kozmin, A.V. (2005), "The metrical repertoire of the 'thug' song of the 1920s – 1930s and the problem of its origin", *Zhivaya starina*, no. 2, pp. 40–42.
- Lurie, M. (2010), "Political and prison songs in the early 20th century: Between propaganda and folklore", *Antropologicheskii forum*, no. S12, pp. 1–20.
- Lurie, M.L. (2016), "Songs of the 'declassified layers' recorded by Soviet folklorists (late 1920s – early 1930s)", *Traditsionnaya kul'tura*, no. 2, pp. 139–161.
- Moskvin, A.Yu. (2012), "Six songs from a thug's pocket", *Zhivaya starina*, no. 2, pp. 19–21.
- Neklyudov, S.Yu. (2001), "From the compiler", in *"Naivnaya literatura": issledovaniya i teksty* ["Naive literature": studies and texts], Moscow, Russia, pp. 4–14.
- Neklyudov, S.Yu. (2006), "'Gop-with-a-smyk' is well known to everyone...", in *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: sbornik statei k 60-letiyu A.F. Belousova* [Folklore, post-folklore, everyday life, literature: collected articles dedicated to the 60th anniversary of A.F. Belousov], SPbGUKI, Saint Petersburg, Russia, pp. 65–85.

- Pieralli, K. (2019), "Poetry of the GULAG: Problems and prospects for future research", *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 1, pp. 250–273.
- Rychkova, N.N. (2020), "Unappreciated songs of the GULAG. Interview with Viktor Bulgakov", *Urban folklore and anthropology*, vol. 3, no. 3–4, pp. 296–317.
- Shumov, K.E. and Kuchevasov, S.V. (2005), " 'Roses die in the cold, youngsters die in camps': handwritten notebooks from the cell of juvenile delinquents", *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 11–15.
- Tsekhnovitzer, O.V. (2012), "<Prison songs>", in Tsar'kova, T.S., intro. art., prep. for publ., and Lurie, M.L., comments, *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2011 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2011], Dmitrii Bulanin, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 442–666.

Информация об авторе

Василий А. Воробьев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; q.h.f@yandex.ru

Information about the author

Vasili A. Vorob'ev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; q.h.f@yandex.ru